

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ / CRIMINAL-LEGAL SCIENCES

Редактор рубрики *И. И. Бикеев* / Rubric editor *I. I. Bikeev*

Научная статья
УДК 343.9:340.1

DOI: 10.21202/2782-2923.2023.1.149-163

Г. Н. ГОРШЕНКОВ¹

¹ Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

РЕТРОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ КРИМИНОЛОГИИ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ

Горшенков Геннадий Николаевич, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и процесса Нижегородского государственного
университета им. Н. И. Лобачевского
E-mail: upik-unn@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0314-2488>
eLIBRARY ID: SPIN-код: 3717-9260, AuthorID: 301968

Аннотация

Цель: раскрытие сущности и значимости исторического опыта междисциплинарного изучения преступности и использования его в современных условиях научного сопровождения противодействия преступности.

Методы: диалектический метод и системно-синергетический подход, метод ретроспекции в изучении и оценке исторических фактов сложного развития научных направлений в юридическом учении о преступлении и наказании; догматический и эмпирические методы, определяющие специфику научных подходов к общему предмету исследования, их критический анализ; сравнительно-историческая оценка интеграции уголовно-правовых наук на разных этапах накопления и развития их научного потенциала; прогностическая оценка превентивных возможностей уголовно-правовых наук, входящих в научную специальность 5.1.4.

Результаты: в современной уголовной юриспруденции наблюдаются неоднозначные исследовательские подходы к восприятию и оценке некоторых научных положений. С одной стороны, в ретроспекции наблюдаются явления, малопродуктивные по отношению к науке либо вообще бесполезные для нее (ввиду некритичности или формализма). С другой – ретроспекция, будучи методологически обоснованной, служит научной перспективе, в частности развитию ассоциативных связей уголовно-правовых наук, активизации исторически обусловленной общенаучной функции криминологии. Данные процессы, при условии их научной оптимизации, имеют перспективу привести энергии уголовно-правовых наук и соответствующих практик к результирующему эффекту, т. е. слаженной системе противодействия преступности. А к этому и направлены устремления основоположников новой юридической науки о преступности.

© Горшенков Г. Н., 2023

© Gorshenkov G. N., 2023

Научная новизна: обосновываются возможности разработки ряда аспектов междисциплинарного (в рамках научной специальности 5.1.4) исследования закономерностей преступности, разработки и реализации специальных мер противодействия в параметрах криминологического обеспечения. Ретроспективный анализ некоторых криминологических положений в их исторических связях инициирует более глубокое осмысление той болезненной проблематики, которая охватывается категорией «преступление» (в индивидуальном и собирательном смысле этого термина). Изначально в уголовно-юстиционном научном мире сложились три основных направления теоретико-прикладного юридического учения о преступлении: догматико-правовое, криминологическое и политико-правовое. Аналитические размышления в параметрах ретроспекции приводят к осознанию очень непростого характера эволюции научной мысли.

Практическая значимость: теоретические положения как структурные элементы настоящей концепции призваны формировать более высокий и устойчивый уровень криминологического, а точнее, криминологического мышления, без которого результативная уголовно-правовая (законодательная, правоприменительная) практика невозможна.

Ключевые слова: уголовно-правовые науки, ретроспекция, легковерие, формальное осмысление, причинность, преступление, уголовно-правовой символ, фикция, кризис наказания, ассоциация

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Горшенков Г. Н. Ретрологический взгляд в будущее криминологии как уголовно-правовой науки // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 1. С. 149–163. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.1.149-163

The scientific article

G. N. GORSHENKOV¹

¹ Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

RETROLOGICAL GLANCE INTO THE FUTURE OF CRIMINOLOGY AS A CRIMINAL-LEGAL SCIENCE

Gennady N. Gorshenkov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

E-mail: upik-unn@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0314-2488>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3717-9260, AuthorID: 301968

Abstract

Objective: to reveal the essence and significance of the historical experience of interdisciplinary study of crime and its use in modern conditions of scientific support of crime prevention.

Methods: dialectical method and system-synergetic approach, the method of retrospection in the study and evaluation of historical facts of the complex development of scientific directions in the legal doctrine of crime and punishment; dogmatic and empirical methods determining the specifics of scientific approaches to the general subject of research, their critical analysis; comparative historical assessment of the integration of criminal-legal sciences at various stages of accumulation and development of their scientific potential; prognostic assessment of the preventive capabilities of the criminal-legal sciences within the frameworks of 5.1.4 scientific major.

Results: in modern criminal jurisprudence, there are ambiguous research approaches to the perception and evaluation of some scientific provisions. On the one hand, in retrospection, the phenomena are observed which are unproductive in relation to science or generally useless for it (due to uncriticism or formalism). On the other hand, retrospection, being methodologically

justified, serves the scientific perspective, in particular, the development of associative links of criminal-legal sciences, and the activation of the historically determined general scientific function of criminology. These processes, if scientifically optimized, have the prospect of bringing the energies of criminal-legal sciences and relevant practices to a resultant effect, i.e. to a well-coordinated system of combating crime. This is what the aspirations of the founders of the new legal science of crime are aimed at.

Scientific novelty: the possibilities are substantiated of developing a number of aspects of interdisciplinary (within the framework of the 5.1.4 scientific major) research of crime regularities, of developing and implementing special measures of counteraction in the parameters of criminological and political support. A retrospective analysis of some criminological provisions in their historical connections initiates a deeper understanding of the painful issues that are covered by the category of “crime” (in the individual and cumulative meanings of this term). Initially, there were three main directions of theoretical and applied legal doctrine about crime in the scientific world of criminal justice: dogmatic-legal, criminological-legal and political-legal. Analytical reflections in the parameters of retrospection lead to the comprehension of a very complex nature of the evolution of scientific thought.

Practical significance: the theoretical provisions may equip practice; namely, they form a higher and more sustainable level of criminological, or rather, criminological-political thinking, without which effective criminal-legal (legislative, law enforcement) practice is impossible.

Keywords: Criminal-legal sciences, Retrospection, Credulity, Formal comprehension, Causality, Crime, Criminal-legal symbol, Fiction, Crisis of punishment, Association

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Gorshenkov, G. N. (2023). Retrological glance into the future of criminology as a criminal-legal science. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(1), 149–163. (In Russ.). DOI: 10.21202/2782-2923.2023.1.149-163

Введение

Известно, что проблема преступности во все времена оценивалась как чрезвычайно острая, требующая от государства немалых усилий, затрат и, увы, даже жертв в противодействии реальной преступности и как потенциальной угрозы национальной безопасности. Эпоха сменялась эпохой, но проблема преступности по-прежнему оставалась и продолжает оставаться, причем ощутимо, острой. Хотя, безусловно, накапливался и определенный опыт противодействия преступности, в котором получала развитие и соответствующая научная мысль.

Разумеется, без изучения этого опыта тщетно открывать и более глубоко исследовать закономерности объективных взаимосвязей права и произвола (противопреступной и преступной систем). Особенно представляет научный и практический интерес противопреступная система как система социально-юридических отношений, изучение которой позволяет вырабатывать более совершенные уголовно-правовые и криминологическо-политические знания о ней, столь динамичной, с одной стороны, и столь устойчивой – с другой, в исторически изменчивых условиях.

Собственно, речь идет не просто о важности изучения исторического прошлого криминологической мысли, а о принципе преемственности как руководящей идее ретроспективного метода (ретроспекция – от лат. *retro* («назад») и *specio* («смотрю») – есть обращение к прошлому), т. е. последовательного погружения в прошлое с целью выявления закономерностей явлений, событий и извлечения из этого поучительной пользы, ибо «суть ретроспективного метода заключается в использовании знаний о более высокой ступени исторического развития для понимания и оценки предыдущей»¹ [1].

¹ Ретроспективный метод. URL: <https://yandex.ru/search/?text=ретроспективный+метод&clid=2270455&banerid=0500000000%3A636db7fa3e2df4ad703ea90d&win=537&lr=20043> (дата обращения: 03.01.2023).

Кроме того, в преемственности находят выражение последовательное развитие и накопление неоспоримых знаний, питающих современную криминологию и наряду с этим нуждающихся в бережном к ним отношении, в защите их от различных идеологических, политических фальсификаций или просто безответственных, не-вежественных, односторонних оценок, утверждений.

Таким образом, в предмете нашего исследования мы выделяем два аспекта: перспективное и бесперспективное, или, скажем мягче, формальное отношение во взгляде на криминологический опыт, точнее, некоторые положения ученых, внесших свою лепту в развитие новой отрасли юридической науки о преступлении и наказании.

И начнем с того, что считаем малопродуктивным, а то и вовсе ненужным в криминологической ретроспекции, – формального отношения к осмыслению, оценке научного материала, затем перейдем к более значимой проблеме – ретроспективно-перспективной тенденции в криминологии, а именно в развитии ассоциации уголовно-правовых наук.

При этом, заметим, термин «ретроспективно-перспективный» введен вовсе не в креативных целях, а в намерении выразить смысл определения: процесс познания, устремленный к опыту, и обратная связь – ответная передача знаний опытом.

Содержание исследования

Структурирование содержания изучения предмета нашего научного интереса как раз и выполнено в соответствии с этой установочной идеей. Изложение материала начнем с явно неоднозначного (как со стороны адресанта, так и со стороны адресата) отношения к анализируемой информации.

Формальное отношение. «Формальное» образовано от однокоренного «формализм», которое мы рассматриваем в первом его словарном значении: «Соблюдение внешней формы в чем-нибудь в ущерб существу дела»². Таким образом, формальное отношение определяется как относящееся исключительно только к форме, игнорируя содержание, и имеющее чисто логическое значение, основанное на формализме, порой абстрактное, оторванное от жизни³.

Представляется, что формальное отношение к предмету осмысления может быть продиктовано, говоря «уголовно-правовым языком», неосторожностью или же умыслом (продуманностью) субъекта познания. Неосторожность в данном случае понимается как легковерие, непродуманность, некритичность и т. п. Именно излишняя доверчивость к потребляемой информации, ее некритичное восприятие обуславливают и некритичное отношение к прошлому, т. е. довольствование собственной субъективной оценкой, без ретроспективного (оценочного) анализа порождает так называемый замыленный взгляд на те или иные явления, события, который привычно скользит по кажущемуся чем-то «общеизвестным», или «тем же самым». Что нового в науке может открыть такой взгляд? Между тем требовательный к себе исследователь непременно руководствуется и чувством ответственности за сказанное им слово, ту или иную предлагаемую им оценку изучаемого явления. Строить собственные выводы о каком-либо предмете научного осмысления, основываясь на сторонних оценочных, пусть даже и авторитетных, суждениях, ответственный актер воздержится и непременно внимательно посмотрит сам на этот предмет.

Методология оценки, т. е. определения качеств, значимости предмета по определенным критериям, стандартам и т. п., предполагает выражение в ней соотношения между свойствами предметов объективной действительности и интересами субъекта. Такое соотношение в идеале должно было бы определяться свободой познания от его мыслящего субъекта. Но это в идеале, между тем как в реальности это исключено: свобода процесса познания обречена на зависимость от познающего субъекта, ибо именно последний осуществляет

² Формализм // Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. Н. Ожегов, Н. Ю. Шведова; 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 1997. 944 с.

³ Формальный. URL: <https://yandex.ru/search/?text=формальное+значение+&lr=11083&clid=2270455&win=537> (дата обращения: 01.02.2023).

и определяет процесс познания [1]. Отсюда, вне всяких сомнений, данное обстоятельство должно побуждать субъекта к осознанию своей ответственности за те или иные суждения, в которых в противном случае может оказаться неточность, а то и ложность. И здесь, в частности, легко можно подпасть под влияние феномена «общеизвестности», но зачастую как ложного авторитета в понимании аксиоматического. Это характерно для недобросовестных авторов, «скользяще» мыслящих по трудам современников, не удосуживаясь вникнуть в содержание первоисточников, от которых указанные авторы улавливают лишь «эхо» в необъятном мире информации, современных публикаций.

Легковерие. В качестве примера можно привести распространенную в литературе оценку Чезаре Ломброзо как родоначальника «антропологического направления в криминологии и уголовном праве, основной мыслью которого стала идея о прирожденном преступнике»⁴ (выделено нами. – Авт.).

В этом умозаключении как раз мы и находим тот самый «замыленный взгляд», избавлению от которого «легко» могут помочь, во-первых, изучение произведений этого великого ученого, социального антрополога, родоначальника антрополого-социологического направления юридического учения о преступности и, во-вторых, конструктивно критические (в том числе непременно и собственные) оценки истинных научных заслуг ученого, но никак не муссирование первых ошибочных выводов, от которых сам Ч. Ломброзо позже отказался.

Тем не менее негативный «информационный шлейф» оставался; на ученого «с неоправданной легкостью навешивались ярлыки, ему давались часто взаимоисключающие политические оценки» [2]. Между тем «в своих исследованиях он удачно сочетал социологический и правовой анализ» [2]. К этому можно добавить еще и «анализ криминально-психологический» (сомневающимся рекомендуется ознакомиться с результатами этого анализа в работе Ч. Ломброзо, которые изложены в его криминально-психологическом и социологическом очерке «Анархисты»).

А что касается теории «прирожденного преступника», то и в данном случае не все так просто. Еще в те далекие времена в издаваемой в России (1892 г.) книге Ч. Ломброзо «Новейшие успехи науки о преступнике», в предисловии к ней, доктор римского и германского права, магистр уголовного права Л. М. Берлин писал, что «тем не менее провозглашенная Ломброзо истина непреложна: человек – это часть природы и подчинен всем ее законам... Собран необъятный, неопровержимый материал, доказывающий, что и преступление, и преступники – продукты тех условий, в которых рождается, живет и погибает современный человек; отсюда прямой и неизбежный вывод, что аномалия души, называемая преступлением, должна воплощаться в аномалии тела – в типе преступника. Можно спорить о признаках этого типа, но не о самом существовании его» [3. С. 4].

В связи с этим показателен и другой, аналогичный, однако уже «современный» пример рационального анализа подобной ошибочной оценки. Ее допустил проф. В. В. Лунеев, первоначально отстаивавший идею отмирания преступности и много лет критиковавший взгляды Ф. Листа на преступность как закономерный продукт общества, Э. Дюркгейма, убежденного не только в нормальности, но и определенной полезности преступности в обществе. «Много лет с кафедры юридического вуза я критиковал эти идеи, – признавался ученый. – Очень хотелось верить и верилось, что, действительно, преступность – явление классовое, исторически преходящее, обусловленное несовершенством социальных отношений, обремененных пережиточными процессами дикого эксплуататорского прошлого, и что если их последовательно устранять, то будет «отмирать» и преступность» [4. С. XXV–XXVI].

Отсутствие заметной критики такого ошибочного вывода можно объяснить, во-первых, публичным признанием в этом самого Виктора Васильевича, а во-вторых, пожалуй, и тем, что «замыленный» соответствующей идеологией взгляд был свойственен и нам (даже многим), настроенным всматриваться больше в ожидаемое

⁴ URL: <https://criminology-center.org/chezaro-lombroso-uchenie-o-prestupnike/> (дата обращения: 06.01.2023).

будущее, нежели оглядываться на опыт и учитывать уроки прошлого. Тем более прошлое в немалом определялось как буржуазное.

Однако, возвращаясь к Ч. Ломброзо, добавим весьма существенное в его взглядах на генезис преступления, которые он высказывал с учетом продолжающихся оценок (так и хочется сказать нападок) критиков на его первоначальное умозаключение об односторонности «антропологической криминогенности»; ученый объяснял, что «в среде народа покойного и довольного своими учреждениями всякая политическая попытка прирожденных преступников останется безрезультатной» [5. С. 15]. Действительно, какой же это «прирожденный преступник», если его так называемая порочная природа оказывается бессильной произвести криминал в «ненадлежащих условиях»?

Больше того, Ломброзо высказывал аргументированное оценочное суждение о причинности преступности, поскольку находил объяснение генезису преступления множеством причин, подчеркивая при этом их системную связь, ибо «одна причина не исключает влияние другой, а все действуют в совокупности, для того чтобы произвести общий [можно сказать по-современному, синергетический. – Авт.] эффект» [3. С. 101]; и «признавать влияние одних факторов еще не значит отказывать во влиянии другим, даже ввиду резкого преобладания первых» [3. С. 101]. При этом Ломброзо имел в виду данное влияние как на явления «животной жизни», так и (особенно) на явления жизни общественной.

Позже наш русский правовед, глубокий аналитик А. Ф. Кистяковский пришел к выводу о зависимости свойства деятельности человека от трех причин: человеческого организма, окружающего мира и того, что окружает этот мир, – «общего мирового закона»; и «человек действует так или иначе не потому, что он свободно этого хочет, а потому, что он иначе и хотеть не может, так как его хотение есть произведение природой данное его организации» [6. С. 166].

Но, что удивительно, современная критика, корнями уходящая, казалось бы, в «опосредованную» неплодородную почву, однако, продолжает находить в себе силы «в том же самом», «общеизвестном». Это свидетельствует о том, что далеко не каждый теоретик обладает достаточной индивидуальной методологией, в данном случае включающей ретроспекцию, хотя и обращается к прошлому, но воспринимает его по привычным оценкам, исходя из «принципа» «как известно», а не «как убедился».

Из этого можно сделать вывод, что у подобных критиков преобладает чувственное познание, которое ограничено преимущественно внешней стороной да некоторыми связанными с ней свойствами предмета. В то время как рациональное познание требует от исследователя проникновения в сущность предмета, глубину его внутренних связей, закономерностей, понять которые при помощи одних только чувств невозможно⁵.

Британский психолог, писатель, крупный специалист в области творческого мышления Эдвард де Боно более чем серьезно рассматривал такого рода привычное отношение к вещам, можно сказать, как вредную (интеллектуальную) привычку. «Слова "то же самое" кажутся безобидными, – пишет ученый, – но на самом деле они безжалостно убивают идеи... внушают нам, что родившаяся мысль не заслуживает внимания; не стоит тратить на нее время, потому что это вообще не новая идея» [7].

Да, было тогда, на новой научной волне, поднявшей немало консервативного, ошибочного «мусора». Но, подчиняясь энергии мысли, волна неудержимо катилась в будущее, очищаясь и обновляясь. В этом отношении показателен пример «революционных открытий» генетиков, благодаря которым высказывается аргументированный вывод о преступном поведении как полностью генетически детерминированном; данную концепцию ученых-генетиков даже предлагается условно назвать «геноломброзианством» [8]. Как заметил российский ученый, специалист в области уголовно-правовых наук профессор А. Н. Игнатов, отмечая важность комплексного подхода к изучению генезиса преступления, «сегодняшняя реальность диктует необходимость, не ударяясь ни в "вульгарное биологизаторство", ни в "социологизацию" (в несостоятельности

⁵ Чувственное познание. URL: https://yandex.ru/search/?text=чувственное+познание+отличается+от+рационального+тем+что&lr=11083&clid=2270455&win=537&src=suggest_B (дата обращения: 06.01.2023).

которых нас убеждает развитие человечества), активизировать исследование эндогенных биологических факторов детерминации преступного поведения и факторов окружающей биологической (природной) среды в контексте установления связи и закономерностей их влияния на крайние девиантные проявления поведения индивида...» [9. С. 230].

В данном контексте анализ проблемы исторического генезиса преступления представляет научный интерес и в плане «ложной несовместимости» взглядов ученых на данную проблему. «Ложная» в нашем контексте означает корректное «неправильное представление о действительном», в данном случае о преступлении.

Продуманно-формальное осмысление. Известно, что возникновение нового, позитивного направления в юридическом учении о преступлении объясняется, говоря современным языком, инновационным прорывом в неизведанное, т. е. природу преступления, которое самые изощренные меры изуверского наказания не могли не только искоренить, но и оказать сдерживающего воздействия. Исследователи, объединенные под крышей классической школы уголовного права, ограничивались вопросами оценки деяния как юридического факта и назначения соответствующего наказания. Вопрос о генезисе преступления не стоял, поскольку преступление было очевидным для них следствием рационального выбора преступника в силу его свободной воли, данной ему природой. И само преступление рассматривалось исключительно как юридическая конструкция, т. е. «повреждение или нарушение, под наказательным законом состоящее» [10. С. 21].

Из этой формальности логически вытекало осознание индетерминизма преступления. Действительно, какая же в этом причинно-следственная связь, когда нарушающее действие не проистекает из чего-либо, а упирается в преграду? Цель запрета – предупредить нежелательное действие. Таким образом, именно преодоление запрета и есть преступление. Русский правовед В. Д. Спасович, автор первого учебника по уголовному праву в Российской империи (1862 г.), писал по этому поводу: «Преступление... есть деяние, запрещаемое законом под страхом наказания, иными словами, оно есть нарушение закона уголовного» [11. С. 83]. При этом ученый отмечал достоинство определения, которое заключалось в его простоте, понимании любым, что такое уголовный закон и наказание.

Но вот с общественным порядком определение представлялось ученому несовместимым: «Законодатель может снять невпопад свое запрещение и освободить известное преступление от наказания, несмотря на то, что оно не потеряет свойство вредно действовать на организм общественный. Законодатель может и невинное действие превратить искусственно в преступление, несмотря на то, что общественная совесть, протестуя, будет считать это деяние безвинным по-прежнему» [11. С. 84].

Находя такое формальное («практическое») определение, не имеющее «никакого значения», поскольку законодатель, принимая решение о запрещении известного деяния, должен убедиться в том, что это деяние «несовместимо с общежитием», В. Д. Спасович формулирует и другое, теоретическое определение преступления – как «противозаконное посягательство на чье-либо право, столь существенное, что государство, считая это право одним из необходимых условий общежития, при недостаточности других средств охранительных, ограждать ненарушимость его наказанием» [11. С. 84].

Как видим, ученый различает посягательство: в одном случае (в оценке правоприменителя) – на норму, а в другом случае (в оценке потерпевшего) – на его право, охраняемое нормой. В первом случае выражен формальный нормативный признак (противоправность, или запрещенность деяния); во втором – материальный признак (общественная опасность, содержащаяся в нарушении права). В виде примечания добавим, что любой преступник посягает не на норму закона (о ней он может и не знать), а на те блага, которые она ограждает от посягательства.

По сути, в этой оценке заключается предпосылочная идея формально-материального определения преступления, в основу которого положен диалектический подход, предусматривающий неразрывность формы и содержания. Как известно, «форма есть способ существования и выражения содержания» [12. С. 621], также форма обозначает внутреннюю организацию или структуру [12. С. 621]. Каждый из этих «способов выражения» представляет собой предмет дифференцированного изучения феномена «преступление», а в итоге синтезировать знания о внутренних и внешних свойствах, связях преступления и получить от-

носителю полную его характеристику – как предмета научного исследования и объекта практического противодействия.

В этом отношении как раз представляют научный интерес упомянутые положения, выработанные В. Д. Спасовичем и другими исследователями. Ученый определяет два подхода к изучению преступления. Первый подход (позже Ф. Лист назовет его «юридико-техническим» [13. С. 3–4]) предполагал простое, практическое определение, достаточное понимание на эмпирическом уровне, т. е. как нарушение уголовного закона, или деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания. Данное определение было вполне достаточным для «юриста-практика» в решении процессуальной задачи, т. е. применения к конкретному составу соответствующего конкретного правового положения, в том числе и наказания.

Но вот наказание как следствие преступления зависело уже от его сущности, под которой мыслилась его несовместимость с общественным порядком. И выяснение этой несовместимости требовало другого, в отличие от юридико-технического инструмента. Опять же обращаясь к позднему Ф. Листу, заимствуем у него термин «естественно-научное изучение» [13. С. 3–4].

В этом заключался второй подход, предполагающий исследование содержательной стороны преступления, или его природы, вредно действующей на общественную природу. Соответствующими знаниями вооружался законодатель, принимая, таким образом, научно обоснованные решения.

Разумеется, такой двусторонний анализ позволяет видеть не две разные стороны предмета (как бы два вида знаний), а познавать полную картину изучаемого явления. «Только при признании одинакового значения обоих моментов преступного деяния, – писал Н. С. Таганцев, – получится более правильное представление и о его юридической сущности» [14. С. 33].

Такое значение возможно «воплотить» в нейтральное, социально-юридическое понятие, предлагаемое ныне как криминологическое понятие, или преступление в криминологическом смысле (Д. А. Шестаков). Ориентируясь на историческую аналогию: уголовное право в «тесном смысле», т. е. как отдельная отрасль, и в «расширенном смысле» – как многоотраслевое.

Таким образом, в «расширенном (криминологическом) смысле» преступление предлагается понимать как деяние, признаки которого указывают на его возможную уголовную противоправность (само собой разумеется, включающую в себя виновность, общественную опасность и наказуемость). А что касается последующего перевода преступления из состояния де-факто в де-юре, т. е. связывания его с наказанием, причем в этом связывании мы рассматриваем нечто большее, чем конкретно-юридическую реакцию – реализацию функции уголовного закона как реакцию на преступление [15].

Но, как мы убеждаемся, в современном, не менее насыщенном криминологическими идеями времени не все разделяют это положение. Например, что такое «юридическая сущность» преступления, о перспективе изучения которой писал выдающийся русский ученый, правовед и государственный деятель Н. С. Таганцев? «Сущность» вообще означает смысл чего-либо существующего, его особенности, отличия и т. п. «Юридическая сущность» преступления – это, во-первых, противоправность, которая выражается в его формальном признаке; во-вторых, сущностное свойство, или общественная опасность, т. е. причинение вреда законным правам и интересам физических, юридических лиц или способность создать угрозу такого причинения...

Однако сегодня мы сталкиваемся с упорным неприятием преступления как явления реальности и рассмотрением его всего лишь в качестве уголовно-правового символа, буквально как выкованную законодателем по политическому, а то и собственному вкусу или недоразумению юридическую вещь, т. е. букву закона (да простит читатель эту метафоричность).

В частности, проф. Я. И. Гишинский, проведя анализ высказываний мыслителей Древнего Рима, утверждающих идею возникновения преступления из сенатских и народных решений, а также последующих мыслителей (Б. Спинозы, П. Сорокина), которые отрицали естественную природу преступлений и объясняли их генезис искусственным творением (в виде социального конструирования), делает вывод, «окаймляя» его «дефиницией» американского ученого М. Робинсона о генезисе преступлений, о том, что «термин преступление есть ярлык (*label*), который мы применяем к поведению, нарушающему закон. Ключевой пункт – это

порождение преступлений уголовным законом (выделено нами. – Авт.), который создан людьми. Преступление как таковое не существует в природе; это выдумка (*invention*) людей» [16. С. 8].

Фигуральное «выдумка» явно употреблено переводчиком как «метафоричный» прием с целью побудить в чувственном восприятии в какой-то степени «уничжительно-вызывающий» смысл «небылицы», или «небывальщины». Но в строгом рациональном осмыслении мы воспринимаем это слово именно так, как оно употреблено в английском тексте, т. е. *invention*, что означает «изобретение», или «творение», наконец, «фикция» – «фикция порождения преступлений законом» [12].

Хотя в порядке ремарки заметим, что доля правды в этом есть. Как замечает В. Д. Спасович, «законодатель может и невинное действие превратить искусственно в преступление, несмотря на то, общественная совесть, протестуя, будет считать это деяние безвинным по-прежнему» [11. С. 84]. Кстати, сегодня данный законодательный парадокс изучается криминологами в рамках соответствующей частной теории «мнимого преступления» (проф. Д. А. Шестаков).

Фикция (от лат. *fictio*) – это «словесная иллюзия», или «теоретический конструкт», т. е. теоретическое построение «нереального» образа реальной действительности, или формы осмысления этой действительности с позиции определенного (научного) идеала⁶. И действительно, в данном случае возникает видимость того, что уголовный закон порождает преступления. Разумеется, «порождает» имеет правовой оценочный смысл того, что уже порождено социумом и обернулось угрозой для его безопасности. Между тем, как свидетельствует история, преступность не только возникла задолго до появления уголовного закона («Наказания, как и преступления, не созданы государством – они древнее государства» [17. С. 383]), но именно она вынудила общество прибегнуть к такой мере защиты своей безопасности.

Бельгийский юрист и криминолог А. Принс, ретроспективно всматриваясь в историю уголовного права, находит в ней инстинктивную реакцию общества на аналогичные инстинктивные побуждения человека.

Как писал российский юрист и общественный деятель профессор А. Ф. Кистяковский, «уголовный закон есть только закрепление тех правовых отношений, которые выработаны народной жизнью» [6. С. 173]. И цель наказания ученый объяснял той же потребностью общества. «Конечная цель наказания от первого момента его появления до наших дней... есть только выражение глубокого сознания неизбежной необходимости удовлетворения потребностей самосохранения» [6. С. 697].

Кстати, многие современные авторы высказывают беспокойство о так называемом кризисе наказания, в котором «глубоко убежден» каждый пишущий, словно ударяющий в набат по поводу того, что наказание не достигает своих целей. При этом приводят безупречный аргумент: самое тяжелое наказание не влияет на стабильность рецидива, причем это характерно для всех стран [18].

Однако, заметим, как бы отвечая формальностью на формальность, российский уголовный закон не предусматривает целей наказания, хотя ст. 43 УК РФ и называется «Понятие и цели наказания». В части второй статьи определено назначение наказания, или его функции: в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Смысловое значение «в целях» заключается в очевидном, т. е. как усиление принудительной силы государства в противодействии преступности, или, как было сказано выше (точнее, свидетельствует история), в целях самосохранения.

Словари определяют кризис как «спад», «развал», «переломный период» и т. п. Но если исходить из характеристики уголовного наказания криминалистами применительно к давнему времени (расстояние до которого измеряется хотя бы несколькими столетиями), то в трудах правоведов обнаружим размышления о том же самом кризисе наказания, который, преодолев многовековой путь, сохранил себя, можно сказать, в первозданном виде, который по-прежнему поражает, но уже современных правоведов. Например, выдающийся русский ученый и судебный деятель С. К. Гогель находил тюрьму «не только бесполезным средством

⁶ Фикция. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3576/ФИКЦИЯ (дата обращения: 30.01.2023).

в борьбе с преступностью, но и учреждением развращающим» [19. С. 494], которое наряду с прочими местами заключения имеет одну цель – лишать преступника возможности совершить преступление; что касается устрашения и исправления, такие цели остаются недостижимыми [19. С. 498–499]. Кстати, «недостижимая цель» имеет право на существование: например, когда ее ставят, но не обязательно достигают; или цель политическая, например, цель Национальной стратегии противодействия преступности предусматривает, по существу, искоренение коррупции в российском обществе.

Опять же А. Ф. Кистяковский констатирует научно доказанный факт, что «самые жестокие казни... не устрашают... наказание – жесткое ли, мягкое ли, абсолютно неумолимо устрашить будущих преступников и предотвратить нарушение законов» [6. С. 157]. И объяснял это тем, что «все совершается по неизменным законам, которые не зависят от воли человека и которые он ни изменить, ни обойти не властен» [6. С. 166].

Наш современник проф. Я. И. Гишинский подтверждает такое заключение адекватным собственным выводом, что и ныне тюрьма является не местом исправления, а школой, в которой обучаются криминальной профессии [20. С. 26].

Размышляя о карательно-превентивном потенциале уголовного наказания, проф. С. Ф. Милуков считает, что ни о каком его кризисе говорить нет никаких оснований, ибо наказание изначально обречено на дисфункцию, а именно не исправляющую, но, напротив, калечащую осужденного как духовно, так и физически [20. С. 26].

Данный аспект научных изысканий, к сожалению, далеко не беден подобной проблематикой. Остается дерзать.

А наше внимание обращаем к другому аспекту, в котором открывается иная сторона в осмыслении научного опыта. В этом аспекте интерес представляет ожидаемый позитивный эффект, суть которого заключается в том, что ретроспективный метод, обращенный к предмету исследования, как бы вызывает обратную связь, или ответную реакцию... в частности ассоциативного характера.

Ассоциация уголовно-правовых усилий – в прошлом и настоящем криминологии. В переводе с латинского *association* означает «присоединение, создание общности». И, хотя звучит не по-русски, но выразительно. Речь идет об изначальном единстве «материнской» науки уголовного права с породившей ее «заносчивой» позитивистской «дочерью», которой относительно долгое время не находилось нужного имени, пока его не подыскал Р. Гарофало: «Криминология».

Компетентный читатель или сторонник «общетеоретического» взгляда на криминологию может возразить по поводу употребления «иностранного» термина «ассоциация». Понятнее было бы, наверное, употребить другой термин – «общетеоретическая». Таковой изначально и называлась (называется и сейчас) криминология по отношению к остальным уголовно-правовым наукам. Но в данном случае мы имеем в виду, образно говоря, «особенный» уровень – на котором определена взаимосвязь трех основных (ядровых) дисциплин и соответствующих практик – уголовного права, криминологии и уголовной политики, т. е. своего рода ассоциации (от лат. *associare* – «соединять»). И взаимосвязь рассматривается как сочетательная или совместно существующая в единстве, согласовании. В этом единстве и согласовании сохраняется системность.

Итак, накопленный за века опыт борьбы с преступностью, который традиционно сводился к мерам «мстительно-назидательного» характера, привел (вот здесь будет уместно употребить этот термин) к «кризису наказания». Очевидно и понятно стало для правоведов, политиков, публицистов, в целом образованной общественности, что лучше предупредить преступление, чем за него наказывать. Но для этого нужно знать, почему преступления совершаются и как их предупреждать. Такие знания могли дать в особенности криминология – набирающая силы наука о причинности преступности и мерах противодействия – и уголовная политика как искусство управления уголовно-правовой системой борьбы с преступностью.

В этом усматривался статус триединой уголовно-правовой науки, которую к тому же как-то надо было назвать. Э. Ферри называл эту «синтетическую» (по его выражению) науку «уголовной социологией». Такое видение «ассоциативной» науки имели Ф. Лист, А. А. Пионтковский, М. П. Чубинский и др. Название, однако, предлагалось оставить привычное – «уголовное право».

Российский правовед А. А. Пионтковский так определял эту науку: «Наука, занимающаяся изучением преступной деятельности, раскрытием естественных законов, обуславливающих собою эту деятельность, и изучением и установлением средств и способов борьбы с этой деятельностью» [21. С. 6].

Больше того, в учении о преступности А. А. Пионтковский считал целесообразным не только соединение этих доктрин в общую науку, но и, кроме того, объединение в ней всех прочих «родственных» течений. Он приводит в поддержку своего утверждения аналогичную позицию Ферри, Гарро, Листа и других криминалистов. В концепции ученого виделась перспектива формирования новой, родовой науки – будет ли она названа «уголовным правом», «криминологией» или иначе.

Сегодня для уголовно-правовых наук, объединенных в одну «семью» новой научной специальности, чрезвычайно важно исследовать общетеоретическую (по отношению к другим уголовно-правовым дисциплинам) сущность криминологии. Примечательно, что проф. Ю. М. Антонян назвал криминологию в таком статусе «Большой криминологией» [22. С. 14]. Определение «большая» несет в себе смысл многосторонней функциональности общетеоретической криминологии не только в национальной, но и в международной уголовно-правовой системе юриспруденции и соответствующих практиках, подчиненных политике противодействия преступности.

В данном определении находит выражение синергетический, или результирующий, эффект, который возникает с возрастанием эффективности слияния относительно разрозненных энергий, прежде всего, уголовно-правовых наук в процессе их интеграции и взаимодействия в мощную, слаженную систему противодействия преступности [23. С. 70].

На общетеоретический характер криминологии указывают многие авторы, однако, отражая такой признак науки, его сущность и содержание должным образом не раскрывают. Вот оно, то самое привычное отношение к вещам, о котором говорилось выше устами британского мыслителя как безжалостно убивающем идеи.

Возвращаясь к упомянутой «семье» уголовно-правовых наук, обратим внимание на один из проектов паспорта специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки». В нем в числе статусных характеристик каждой научной дисциплины указано «взаимодействие с другими науками». Криминологии, кроме того, предложена, казалось бы, необычная, однако исторически обусловленная функция – стратегия применения специальных (уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, оперативно-разыскных и иных правовых) мер [24]. А в этом как раз и выражается общетеоретический характер криминологии как уголовно-правовой науки.

Возникает идея: путем ретроспективного и системно-синергетического методов сформулировать и разработать содержание концепции криминологическо-политической стратегии уголовно-правовых наук и практик противодействия преступности.

Ретроспективный взгляд исследователя на проблему методологически и теоретически выверен, что позволяет определить достаточно освещенный в научном отношении путь к искомым знаниям и пройти по нему, не сбиваясь. А уверенность в этом придают, прежде всего, труды основоположников криминологии как новой отрасли уголовного права. В частности, целесообразно обратиться к опыту криминологической мысли таких российских ученых, как А. Н. Радищев – «О законоположении» (1801), идеи криминологического мониторинга «судопроисшествий», Г. И. Солнцев – первый российский курс «Российское уголовное право» (1820), считавший необходимым для безошибочного познания и применения уголовных законов знаний философских, исторических, филологических, психологических, антропологических («анатомии тела»), уголовно-политических, судебно-политических [25. С. 6–7], М. В. Духовской – лекция «Задачи уголовного права» (1872), определивший «научный вердикт» уголовному праву, в котором, по существу, выражены идеи «трехчленной» науки: «Уголовное право изучает преступление, узнает причины его появления и указывает государству средства, годные к предупреждению этого явления» [26. С. 32–33]; А. А. Пионтковский – «Наука уголовного права, ее предмет, задачи, содержание и значение» (1895), рассматривавшего уголовное право как сложную науку, распадающуюся на несколько тесно взаимосвязанных отраслей: криминологию, уголовную политику и уголовное право; и ряда других изданий – С. К. Гогеля, М. П. Чубинского, С. С. Остроумова, Н. С. Таганцева. Перечень научных авторитетов можно было бы и продолжить, однако это излишне для компетентного читателя.

Разумеется, непочтительно было бы умолчать об основоположниках нового учения о преступности, поднявшихся над «метафизическим горизонтом» старой научной школы, но в то же время опирающихся на ее опыт. Мы имеем в виду, конечно же, Ш. Л. Монтескье, Ч. Беккария, П. Фейербаха, Д. Говарда и др.

Как российский Герцен разбудил декабристов, так итальянский Беккария поднял инновационную волну в просветительно-гуманистическом мышлении правоведов, открыв перед ними, с одной стороны, картину бесперспективности умозрительной парадигмы формально-логического учения о преступлении, с другой – предложив перспективы развития нового жизненно важного научного направления.

В сочинении Ч. Беккария, по сути, систематизированы криминологико-политические идеи, в которых выражены основоположения криминологической стратегии политического осмысления противодействия преступности...

Результаты исследования. Таким образом, ретроспективный анализ некоторых криминологических положений в их исторических связях инициирует более глубокое осмысление той болезненной проблематики, которая охватывается категорией «преступление» (в индивидуальном и собирательном смысле этого термина).

Важно подчеркнуть, что изначально в уголовно-юстиционном научном мире сложились три основных направления теоретико-прикладного юридического учения о преступлении: догматико-правовое, криминологико-правовое и политико-правовое.

Что касается догмы уголовного права, как уже отмечалось, построенной на системе гражданского права (с преобладанием в нем не охранительных, а регулятивных функций, т. е. имеющего дело не столько с правонарушениями, сколько с организацией имущественных и неимущественных отношений), то она исследовала не явления действительной жизни, а лишь их юридические формы [27. С. 2]. Такой умозрительный, или формально-логический, подход сужал, точнее, выхолащивал восприятие преступления как жизненного явления, определяя его всего лишь в виде теоретической конструкции.

Например, Ф. Лист рассматривал в преступлении (имея в виду его формальное выражение) такое «фактическое отношение, с которым правопорядок связывает наказание как юридическое последствие» [28. С. 119], или «вменяемое, противоправное действие, которое вследствие своей особой опасности для строя юридических благ обложено наказанием» [28. С. 120]. В данном определении отражены те же признаки, которые предусмотрены в отношении гражданского правонарушения. Разница заключалась лишь в юридических последствиях: в уголовно-правовом случае предусматривалось наказание; в гражданско-правовом – возмещение ущерба. Характеристика правонарушителя, или деятеля, зависимость от нее деяния в решении вопроса о наказании не учитывались. Важно было определить «весомость» вреда.

Такое игнорирование истинного характера опасности преступления, сведение его значимости к спорам частного права, проблеме частного лица, несомненно, стимулировало преступность или повышало потенциал криминогенности общества.

На эту оторванность от жизни уголовного права обращали внимание ученые-позитивисты, объясняя этим неспособность адекватно оценивать существующую преступность, а тем более не задаваться вопросом о ее причинности. А без этого невозможно ассоциативное уголовно-правовое воздействие на факторы, продуцирующие преступления.

Как ни сожалительно (архаизм уместен в настоящем контексте), но и ныне по «традиционному» убеждению в могущественности главного специального средства – уголовного наказания (особенно в параметрах колючей проволоки) высказывается упрек в его кризисе, осмысливаемом как следствие объективных закономерностей. Очевидно, давно пора переориентироваться (в соответствии с «криминологической» прозорливостью известного Козьмы Петровича «зреть в корень») с доминирующего обличения кризисного апогея наказания к перигею его научного, здраво-политического осмысления, ибо «статус наказания как объемной, сложной и динамичной системы отношений никак не уместается в статус института уголовного права» [29. С. 9]. В представлениях первооткрывателей новых горизонтов видения науки о преступности функциональность наказания определялась вынужденностью самосохранения – как вначале в народном, или обычном, так и позднее, а также сегодня в государственном, или публичном, праве.

С позиции того же формального подхода (с буквы закона) уголовный закон можно представить как некую юридическую конструкцию, или «совокупность правовых норм, посредством которых государство с известными фактическими отношениями – преступным деянием – связывает юридические последствия – наказания» [28. С. 1]. То есть в умозрительной оценке это есть исторически истребованный и апробированный политический инструмент государства, используемый как принудительное средство обеспечения национальной безопасности. И призван он быть применяемым в исключительных, правда, не всегда понятных «общественно опасных» случаях.

Не зря латинское выражение *exemptio probat regulam* ошибочно переводится как «исключение подтверждает правило» (вместо «проверяет его»). Но в этой ошибочности властвует «теневая» закономерность. Как заметил итальянский «весельчак» (комедиограф) Алессандро Де Филиппо, «если одно исключение подтверждает правило один раз, то два исключения подтверждают правило дважды, три исключения – трижды и т. д. Если количество исключений стремится к бесконечности, то правило становится полностью состоящим из одних только исключений» [30]. Опять же, следуя формально-логической посылке, следует заключить, что именно из таковых исключений и состоит уголовный кодекс. Реакция на эту неотразимую «истинность» (не все логическое истинно) цепляет грустно-лермонтовское «Все это было бы смешно, Когда бы не было так грустно».

Аналитические размышления в параметрах ретроспекции приводят к осознанию очень непростого характера эволюции научной (уголовно-правовой, в контексте соответствующей научной специальности) мысли, прокладывающей дорогу *per aspera ad astra*, или «сквозь тернии к звездам», проще говоря, «через усилия к победе». Разумеется, «победу» следует рассматривать как политический образ, или стратегическую цель. А она диктует необходимость постановки тактических задач, решение которых обеспечивает продвижение по стратегическому пути знаний, с одной стороны, очищая его от формализма, малопродуктивной научности; с другой – освещая его искусством криминолого-политического мышления, при этом непреложно опираясь на исторический опыт.

Список литературы

1. Сутужко В. В. Оценочные суждения в науке и необходимость «ценностной нейтральности» в социальном исследовании. URL: <https://mognovse.ru/dqy-temi-filosofii-socialnih-i-gumanitarnih-nauk-uchebnoe-izd-stranica-13.html> (дата обращения: 06.01.2023).
2. Исаев И. А. Политическая преступность и революция. Чезаре Ломброзо, 1890. URL: https://kartaslov.ru/книги/Чезаре_Ломброзо_Политическая_преступность_и_революция/1 (дата обращения: 02.01.2023).
3. Ломброзо Ч. Новейшие успехи науки о преступнике / пер. с ит. С. Л. Раппопорта, предисл. Л. М. Берлина. Санкт-Петербург: Н. К. Мартынов, 1892. 166 с.
4. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции / предисл. В. Н. Кудрявцева. Москва: Норма, 1999. 516 с.
5. Ломброзо Ч., Ляски Р. Политическая преступность и революция по отношению к праву, уголовной антропологии и государственной науке / предисл. докт. юрид. наук, проф. И. А. Исаева. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. 247 с.
6. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. Третье издание, печатанное без перемен со второго. Киев, 1891. 850 с.
7. Эдвард де Боно. Немедленный отказ от идеи. URL: <https://psy.wikireading.ru/35057> (дата обращения: 31.12.2022).
8. «Геноломброзианство» как конец криминологии? URL: <https://studfile.net/preview/8941417/page:2/> (дата обращения: 09.01.2023).
9. Игнатов А. Н. Биологические факторы детерминации насильственной преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 2. С. 223–233.
10. Уголовное право. Сочинение доктора Павла Анзельма Фейрбаха. Санкт-Петербург: медицинская типография, 1810. 330 с.
11. Учебник уголовного права / сост. В. Спасович. Т. 1 (Вып. 1). Санкт-Петербург, 1863. 180 с.
12. Шестаков Д. А. Фикция порождения преступлений законом. Криминологическое определение преступления // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 2(21). С. 59–65.

13. Лист Ф. Преступление как социально-патологическое явление. Доклад, читанный в Дрездене. Санкт-Петербург: Издание Н. К. Мартынова, 1900. 18 с.
14. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая, т. I. Москва: Наука, 1994. 384 с.
15. Бибик О. Н. Уголовное наказание как культурно обусловленная реакция на преступление // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 1(30). С. 120–126.
16. Гишинский Я. И. Преступность: что это? Кто виноват? Что делать? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 1. С. 6–13.
17. Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд., доп. и попр. Санкт-Петербург, 1910. 672 с.
18. Смолин А. Преступник не должен сидеть в тюрьме // РАПСИ. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20100726/250454980.html (дата обращения: 02.02.2023).
19. Гогель С. К. Вопросы уголовного права, процесса и тюремноговедения. Собрание исследований. Санкт-Петербург, 1906. 645 с.
20. Милуков С. Ф. Карательно-превентивный потенциал уголовного наказания далеко не исчерпан // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2(45). С. 26–29.
21. Пионтовский А. А. Наука уголовного права. Ярославль: Типо-Литография. Э. Г. Фальк, 1895. 24 с.
22. Антонян Ю. М. Пенитенциарная криминология как научная дисциплина и отрасль криминологии // Пенитенциарная криминология: учебник / под ред. Ю. М. Антоняна, А. Я. Гришко, А. П. Фильченко. Рязань: Академия ФСИН России, 2009. 556 с.
23. Фиононова Е. А. Синергетический эффект: подходы к определению и классификация // Вестник науки и образования. 2017. Т. 1, № 5 (29). С. 68–72.
24. Проект паспорта научной специальности. URL: <https://skspba.ru/wp-content/uploads/2021/09/Проект-паспорта-научной-специальности-5.1.4.-Уголовно-правовые-науки.pdf> (дата обращения: 17.01.2023).
25. Российское уголовное право, изложенное Гавриилом Солнцевым. Казань, 1820. 218 с.
26. Задачи науки уголовного права. Вступительная лекция, читанная 3-го октября 1872 года и. д. доцента М. В. Духовским. Ярославль, 1872. 33 с.
27. Гогель С. К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. Санкт-Петербург, 1910. 505 с.
28. Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть. Разрешенный автором перевод с 12-го переработанного издания Ф. Ельашевич. С предисловием автора и М.В. Духовского. Москва: Товарищество типографии А. В. Мамонтова, 1903. 333 с.
29. Шестаков Д. А. Навстречу праву противодействия преступности. Статьи, выступления, отклики. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2019. 206 с.
30. Исключение проверяет правило (Алессандро Де Филиппо). URL: <https://proza.ru/2013/12/18/2019> (дата обращения: 06.02.2023).

References

1. Sutuzhko, V. V. *Evaluative judgments in science and the need for “value neutrality” in social research*. (In Russ.). <https://mognovse.ru/dqy-temi-filosofii-socialenih-i-gumanitarnih-nauk-uchebnoe-izd-stranica-13.html>
2. Isaev, I. A. *Political crime and revolution. Cesare Lombroso, 1890*. (In Russ.). https://kartaslov.ru/книги/Чезаре_Ломброзо_Политическая_преступность_и_революция/1
3. Lombroso, C. (1892). *Recent advances in the science of a criminal* (transl. from Italian by S. L. Rappoport, foreword by L. M. Berlin). Saint Petersburg: N. K. Martynov.
4. Lunev, V. V. (1999). *Crime in the 20th century. Global, regional and Russian trends* (foreword by V. N. Kudryavtsev). Moscow: Publishing House NORM. (In Russ.).
5. Lombroso, C., & Lyaski, R. (2003). *Political crime and revolution in relation to law, criminal anthropology and state science* (foreword by Doctor of Law, Prof. I. A. Isaev). Saint Petersburg: Law Center Press. (In Russ.).
6. Kistyakovsky, A. F. (1891). *Elementary tutorial of general criminal law with a detailed summary of the principles of the Russian criminal legislation. General part. Third edition, printed without alterations*. Kiev. (In Russ.).
7. de Bono, Edward. *Immediate rejection of an idea*. (In Russ.). <https://psy.wikireading.ru/35057> (opening date: 31.12.2023).
8. “Genolombrosianism” as the end of criminology?. (In Russ.). <https://studfile.net/preview/8941417/page:2/>
9. Ignatov, A. N. (2015). Biological factors of violent crime determination. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 9(2), 223–233. (In Russ.).
10. *Criminal law. Work by Doctor Paul Anselm Feuerbach*. (1810). Saint Petersburg: Medical printing house. (In Russ.).

11. Spasovich, V. (comp.). (1863). *Tutorial of criminal law, 1(1)*. Saint Petersburg. (In Russ.).
12. Shestakov, D. A. (2011). Fiction of the “law causing crime” concept. *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2(21), 59–65. (In Russ.).
13. Leaf, F. (1900). *Crime as a social-pathological phenomenon. Report made in Dresden*. Saint Petersburg: Edition of N. K. Martynov. (In Russ.).
14. Tagantsev, N. S. (1994). *Russian criminal law. Lectures. General part, vol. I*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
15. Bibik, O. N. (2012). Criminal punishment as a cultural due to reaction to crime. *Herald of Omsk University. Series “LAW”*, 1(30). 120–126. (In Russ.).
16. Gilinsky, Ya. I. (2019). Crime: what is it? Who is to guilty? What to do? *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*, 10(1), 6–13. (In Russ.).
17. Sergeevich, V. (1910). *Lectures and research on the ancient history of Russian law* (4th ed.). Saint Petersburg. (In Russ.).
18. Smolin, A. (2010, July 26). A criminal must not be kept in jail. *RAPSI* (In Russ.). https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20100726/250454980.html
19. Gogel, S. K. (1906). *Issues of criminal law, procedure and penitentiology. Collection of works*. Saint Petersburg. (In Russ.).
20. Milyukov, S. F. (2017). The punitive and preventive potential of criminal punishment is far from exhausted. *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2(45), 26–29. (In Russ.).
21. Piontkovsky, A. A. (1895). *Science of criminal law*. Yaroslavl: Typo-Lithography. E. G. Falk. (In Russ.).
22. Antonyan, Yu. M. (2009). Penitentiary criminology as a scientific discipline and branch of criminology. In Yu. M. Antonyan, A. Ya. Grishko, A. P. Filchenko (Eds.). *Penitentiary criminology*. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. (In Russ.).
23. Finogenova, E. A. (2017). Synergetic effect: approaches to definition and classification. *Vestnik Nauki i Obrazovaniya*, 5(29), 68–72. (In Russ.).
24. *Draft of a passport of a scientific discipline*. (In Russ.). <https://skspsba.ru/wp-content/uploads/2021/09/Проект-паспорта-научной-специальности-5.1.4.-Уголовно-правовые-науки.pdf>
25. *Russian criminal law, exposed by Gavriil Solntsev*. (1820). Kazan. (In Russ.).
26. *Objectives of the science of criminal law. Introductory lecture read on October 3, 1872, by acting Associate Professor M. V. Dukhovskiy*. (1872). Yaroslavl. (In Russ.).
27. Gogel, S. K. (1910). *A course in criminal policy in relation to criminal sociology*. Saint Petersburg. (In Russ.).
28. Leaf, F. (1903). *Tutorial of criminal law. General part. Translation, permitted by the author, from the 12th reviewed edition by F. Elyashevich. With a foreword by the author and M. V. Dukhovskiy*. Moscow: Partnership of the printing house of A. V. Mamontov. (In Russ.).
29. Shestakov, D. A. (2019). *Towards the law countering crime. Articles, reports, comments*. Saint Petersburg: Publishing House “Alef-Press”. (In Russ.).
30. *Exception checks the rule (Alessandro de Filippo)*. (In Russ.). <https://proza.ru/2013/12/18/2019>

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 15.01.2023

Дата принятия в печать / Accepted 20.02.2023